

Остались лишь немногие — в основном эгоисты, трусы и маленькие дети. Остальные, около десятка человек, переглянулись и тоже последовали за основными силами. Даже пожилые люди, которым за семьдесят, пошли вместе со всеми. Если бы они остались, это выглядело бы дурно, и хотя villagers в открытую ничего бы не сказали, за спиной обязательно бы шептались. Они утешали себя мыслью, что раз все идут вместе, то вряд ли всех их сразу перебьют.

Две колонны двигались навстречу друг другу, и вскоре староста со своим отрядом встретился с группой Цюй Хэ у въезда в деревню. При встрече повисла густая враждебность.

— Староста Лян, какое настроение, вышел с народом на прогулку? — Цюй Хэ мог удерживать власть столько лет не будучи глупым, а когда хотел, его умение ладить с людьми было внушительным.

Староста не стал комментировать его умение врать. Он нахмурился, лишившись обычной добродушной улыбки, и неприятно произнес:

— Зачем ты явился в нашу бригаду? Если дела нет, ступай обратно подобру-поздорову.

— Что ты несешь? Разве я могу просто так шататься? Мой дядя ранен, место его за мной, надо показать себя, чтобы он спокойно передал власть, не так ли? — Цюй Хэ натянул вежливую улыбку.

— А, работу изучать? Иди трудись. У нас земля хорошая и люди хорошие, беспорядков нет. А если что и есть — мелочи, не стоит вас беспокоить, сами справимся. В деревне четыреста с лишним душ, мы не сидим сложа руки, — ответил староста, в голосе которого слышались и угроза, и насмешка.

Лицо Цюй Хэ помрачнело. Он взглянул на людей за спиной старосты, и взгляд потемнел. В роду Лян было более четырехсот человек, но если вычесть детей и стариков, да даже прибавить подростков пятнадцати-шестнадцати лет, набиралось меньше двухсот бойцов.

У Цюй Хэ людей было тоже около двухсот, и все они были в самом расцвете сил.

— Бей! — Переговоры закончились, оставался самый простой способ — драка! Чей кулак больше, тот и прав!

Мужчины деревни Лянли размахивали мотыгами и серпами, тракторы вели как танки, а на былах скакали с налетом кавалеристов. Отряд Цюй Хэ в прошлый раз попал впросак, теперь поумнел: большинство было вооружено железом, а у кого его не было — те держали толстые и длинные палки, некоторые даже принесли домашние кочерги.

Схватка закипела. На первый взгляд, жители Лянли, среди которых было много женщин, проигрывали, но их методы атаки были разнообразнее, да и сражались они за репутацию деревни, за честь, поэтому по духу они превосходили людей Цюй Хэ.

— А-а-а! — Жена старосты в молодости была грозой. Хотя и постарела, она не желала сидеть в тылу со стариками. Размахивая кухонным ножом, она с закрытыми глазами кричала и разила наугад. Видя её возраст и отсутствие техники, боялись к ней подступиться.

Вскоре послышался звук металла, входящего в плоть, и забрызгало кровью. В такой толпе при оружии каждому хотелось уцелеть, но это было трудно.

Пострадал семнадцатилетний парень из Лянли. В этом возрасте хочется пошалить, в крови

бурлит огонь, руку рассекли, пошла кровь, но он не обратил внимания, а наоборот, разозлился, жаждал сейчас же проявить доблесть, повалить всех врагов и, как герой кино, медленно упасть.

Кровь стала сигналом. Характер односельчан вспыхнул, удары стали жестче. Вспомнили, как Цюй Хэ воровал куриц, как задавался своим влиянием, как творил зло в округе — злоба почти выплеснулась наружу.

Жители Лянли били яростно, и люди Цюй Хэ тоже не церемонились. Оружие глупости не имеет, могут и полжизни отнять. С обеих сторон были люди с опытом массовых драк: в засушливые годы их бригада стояла у гор и реки, соседние бригады приходили с оружием отбирать воду, то ли дело три дня назад подрались, то ли пять, все набили руку.

Сражение было в разгаре, единственный, кто не потерял голову от ярости, был тот парень, что ходил в семью Лян с вестями. Он только появился на поле боя, натура у него была робкая, увидел на земле пятна крови, задрожал, развернулся и побежал обратно к дому Лянов.

У ворот Лянов его остановила охрана. Чужаки сейчас не проходили, а люди из коммуны ничего не знали. Он уговаривал их, но те не пускали. Тогда он закричал во весь голос:

— Дядя Лян Ци, дядя Ци, выходите, у меня дело! — Парня звали Лян Цзяньцюань, он был племянником деда Ляна.

Дед Лян уже знал от Лян Цзяньцюаня, что Цюй Хэ идет с народом, и думал, как быть, как вдруг услышал крики за воротами. Он срочно велел всем выйти во двор и ждать, а сам поспешил к воротам.

— Дядя, можно дедушку Чжана позвать? Живот болит, снова прихватило, бабушка говорила, дедушка Чжань хорошо лечит, — проговорил Лян Цзяньцюань. Бабушка его давно умерла, дед Лян почувствовал неладное, но виду не подал, лицом не выразил эмоций, лишь стал уговаривать часовых пропустить парня.

Часовые устали от уговоров. Дед Лян и Лян Цзяньцюань поклялись, что это на одну минуту, делать нечего, пустили. Часовой был не policeman, а простым крестьянином из подчиненных Цуй Дапао, долго думать не стал.

Лян Цзяньцюань поблагодарил его, вошел в дом, дверь за собой закрыли, и он быстро рассказал, что началась драка.

— Ох, что ж делать? Много ли наших ранено? — Дед Лян был в отчаянии. Если из-за их родни погибнет односельчанин, он будет вечно виноват, даже в могиле не будет покоя.

— Дед, может, и мы выйдем? Чем больше людей, тем сильнее. В любом случае, сначала надо прогнать этих ублюдков. Хуже уже не будет, что бы ни случилось — в лучшем случае нас выведут на критический митинг, на худшем — и так всё кончено, — Лян Цзивэнь говорил завуалированно, но все понимали, что он имеет в виду.

У деда Ляна были сомнения. Если бы в доме были только их пятнадцать человек, он бы не раздумывая ринулся в бой. Но совесть не позволяла втягивать в это деда и внука Чжань. Они ни в чем не виноваты, а из-за них уже много натерпелись страху. Оставаясь здесь, они ждали вестей — была надежда. Выйдя же, они могли потерять и последнюю надежду.

Но сидеть в доме, смотреть, как односельчане бьются за них, и оставаться равнодушным он

тоже не мог!

— Брат Лян, пойдем вместе. Я, Чжань, много мест повидал, много дорог прошел, много людей встретил. Двадцать с лишним лет назад мне пора было умирать, а что прожито — считай подарок судьбы. Если пройдем эту бурю, выпьем, поговорим по душам, уьемся до смерти. А если сгинем тут тихо, значит, жизнь зря не прожита! — Дед Чжань понял сомнения собеседника. Он погладил Чжань Цзюцзяна по голове и тихо сказал:

— Цзюцзян, в жизни можно многое сделать. Будущее никому не ведомо, прошлое не повторится. В мире много красот, можно любоваться ими, но нельзя привязываться. Помни: умереть за правду honorable, чем жить в позоре.

Чжань Цзюцзян тяжело кивнул. Дед Чжань улыбнулся, выпрямился и первым шагнул вперед.

— Отец, мать, пойдем, — с улыбкой сказали трое братьев Ляна. Три женщины, старшая тетья и остальные, взяли на руки детей, а парни вроде Лян Цзивэня взяли за руки и пошли сзади. Глядя на них, казалось, они идут не на смерть, а на пикник.

<http://bllate.org/book/16557/1510953>